

РЕЦЕНЗИИ

ЭО, 2009 г., № 3

© **А.В. Головнев.** Рец. на: **А.В. Смоляк. Народы Нижнего Амура и Сахалина: Фотоальбом.** М.: Наука, 2001. 318 с.; **С.И. Дмитриева. Традиционное искусство русских Европейского Севера: Этнографический альбом.** М.: Наука, 2006. 286 с.; **З.П. Соколова. Народы Западной Сибири: Этнографический альбом.** М.: Наука, 2007. 342 с.

Три издания объединены идеей публикации фотоархивов известных этнографов-полевиков в рамках визуально-антропологического проекта Института этнологии и антропологии РАН, инициированного В.А. Тишковым. Их единство обусловлено и общей для всех трех исследовательниц – С.И. Дмитриевой, А.В. Смоляк и З.П. Соколовой – школой советско-российской этнографии с ее повышенным вниманием к вопросам происхождения народов и их традиционной культуры. Важно учитывать, что публикуемые снимки и рисунки делались по ходу и в соответствии с программой полевого исследования – не для красочного альбома, а для документирования этнографических наблюдений, т.е. изначально адресовались не стороннему зрителю-читателю или ценителю визуальных изяществ, а коллегам-исследователям. Монтаж фотографий в альбомах также подчинен научным задачам и предваряется содержательными этнографическими обзорами. Ценность этих полевых фотодневников или даже фотоприложений к полевым дневникам состоит не в художественности кадра, а в его информативности. Будучи опубликованными, рабочие снимки приобрели новое качество и нового зрителя/читателя, задающего при чтении альбома обычные вопросы: Кто изображен и что изображено? Как читать фотоальбом, включающий тексты и снимки? Из трех участников фотографического диалога – снимающего, снимаемого и рассматривающего снимки (*Барн* 1997: 19) – третий в данном случае оказывается случайным свидетелем исследовательской кухни этнографа.

Во всех трех изданиях емкие вводные тексты предшествуют фотографиям, и предполагается, что читатель сначала прочтет их, а затем углубится в просмотр изображений. Я сделал именно так, поскольку имел намерение обстоятельно ознакомиться с изданиями и написать на них рецензию. Во многих других случаях я поступаю наоборот: сначала смотрю картинку, а затем, если не иссякнет интерес, обращаюсь к текстам. Так ведет себя большинство людей, предпочитая легкость фото-образа основательности печатных символов и отдавая дань своей "первобытной" тяге к картинке, резко усиленной сегодня экспансией экранно-визуальной культуры.

А.В. Смоляк акцентирует внимание на значимости материалов экспедиций 1940–1970-х годов на Нижнем Амуре и Сахалине, поскольку они "зримо воссоздают во многом уже утраченные элементы быта и традиционной культуры". В согласии с научной традицией ее альбом структурирован по различным коренным народам Амура: нанайцам, ульчам, нивхам, орокам, эвенкам, орочам, удэгейцам. Внутри этих разделов фотографии расположены в единой тематической последовательности: селения, жилища, одежда, обувь, традиционный орнамент, основные занятия, орудия рыболовства и охоты, предметы быта, религиозные культы. Отдельные сюжеты представлены внушительными сериями фотографий: халаты (в том числе из рыбьих кож), обувь, ковры, берестяные кузовки. Содержательно-композиционно удачны снимки нанайского "ковра в эвенкийском стиле" с сидящим рядом псом, охотника Макто Бельды, шамана Моло Онинка, ульчского ребенка "в колыбели нивхского типа", эпизода погребального обряда ульчей, ульчской шаманки Ангин Енака, ручного медвежонка у нивхов, сахалинского нивха в юбке из нерпичьей шкуры (*Смоляк* 2001: 25, 87, 120–121, 144–147, 236, 242, 245, 274, 283).

Андрей Владимирович Головнев – чл.-кор. Российской академии наук, главный научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН.

Подписи вроде "колыбель нивхского типа" у ульчей или "ковёр в эвенкийском стиле" у нанайцев гармонируют с теми разделами текстового введения, где автор повествует о взаимовлияниях народов Амура на основе хозяйственной деятельности, миграций, торговли, а также практики адаптации пришельцев. В социальной обрядности соответствующую роль играл, например, обычай *духа* (*дохá*) у ульчей и нанайцев, скреплявший союз и дружбу "без конца" между членами различных родов и народов, превращавший побратимов в "близких родственников" вплоть до исключения брачных отношений между ними (Там же: 14). Этот механизм "нового родства" обеспечивал пополнение и освежение локальных сообществ Амура при их внешней устойчивости, что в известной мере согласуется с тезисом Л.Я. Штернберга о внутреннем динамизме нивхского рода.

Не менее важно для понимания этнической истории Амура соотношение понятий "кочевой" и "оседлый": «Ошибочными являются утверждения, имеющиеся в работах некоторых авторов прошлого и даже современных, будто все они вели "кочевой образ жизни"». Сезонные выезды на промыслы не нарушали постоянства "главных" (зимних) резиденций, «в которых многие родились, проживали всю жизнь и умирали... В середине XX в. всегда можно было найти лиц, которые сообщали, что тут, в данном селении, родился "и он, и его дед, и прадед, и все предки"». Архивные материалы подтверждают, что "на Нижнем Амуре коренные жители в XVII в. проживали на тех же местах, что и ныне. Этносы в тот период были те же и имели примерно ту же численность, что и в конце XIX в." (Там же: 4, 9).

Текст и визуальный ряд альбома дополняют друг друга, хотя не всегда содержат одинаковые тематические акценты. Например, межродовые и межэтнические связи, о которых много говорится во введении, в фотографиях отражены лишь косвенно. Фоторяд передает исследовательские интересы автора полувековой давности, тогда как в тексте актуализированы современные сюжеты. Впрочем, печатью своего времени и ценна публикация с классическими установками "полный рост, фас, профиль, со спины", крупными планами и деталями платья, орнамента, вышивки (правда, не очень понятно, как в этот аутентичный ряд на с. 154 прокрался рисунок интрьера мангутского зимника из книги Р.К. Маака 1859 г.).

Альбом С.И. Дмитриевой включает текстовое "комплексное исследование традиционного искусства русских Европейского Севера" и "собственно альбом иллюстраций, разделы которого посвящены различным проявлениям народного творчества в материальной культуре – домостроительстве, убранстве жилища, хозяйственных, культовых построек и объектов религиозного поклонения, украшении предметов быта и одежды" (Дмитриева 2006: 30). Фотографии и рисунки, представленные в книге, выполнены сотрудниками Архангельского отряда Восточнославянской экспедиции А. Ермолаевым, В. Топорковым, И. Зариновым, Б. Макеевым в 1970–1976 гг. Помимо материалов по народному искусству Мезени, в альбоме опубликованы памятники Северной Двины, Пинеги, Костромской и Вологодской областей, используемые для сопоставительного изучения происхождения элементов поморской культуры.

Фотографии показаны в последовательности: ландшафт, поселения, церкви, обетные кресты, кладбища, портреты местных жителей, традиционное жилище, декоративные элементы традиционного жилища, хозяйственные постройки (включая ветряные мельницы), предметы домашнего обихода (включая лодки, телеги, лапти), традиционная одежда, основные элементы традиционного костюма. Представительна подборка обетных крестов, домов-дворов с однорядной связью; на цветной вкладке живописные общие планы мезенских деревень, домов и церквей (Одигитриевской церкви XVII в. в Кимже) соседствуют с превосходными рисунками орнаментированных прялок. По замечанию автора, "представленный в альбоме материал характеризует традиционное крестьянское искусство Русского Севера, каким оно сложилось к XVIII–XIX вв." (Там же: 104, 153–159, 176–186).

Иллюстрации альбома, содержательные сами по себе, служат для обоснования путей формирования поморов и их культуры, в которой автор обнаруживает три "этнических компонента": новгородский, верхневолжский и местный финно-угорский. Например, высокие обетные кресты, наряду с былинами, распространены в северной зоне новгородского влияния; ряд элементов архитектуры и искусства южной зоны имеет аналогии в культуре коми (в домостроитель-

стве, декоре одежды); прялки Летнего и Лямецкого берегов Белого моря сходны с норвежскими; рисунки коней на прялках и коньки на домах находят параллели в петроглифах Прибайкалья, археологии Волго-Камья, скифских и балтийских традициях (Там же: 28, 71, 76, 113).

Текст альбома кажется несколько перегруженным ссылками и концептуальными конструктами, в том числе бесконечно спорными универсалиями вроде мирового древа или ладьи мертвых. При этом для орнаментального сюжета "женщина (дерево, столб) с предстоящими животными и птицами" на северорусской вышивке отыскиваются далекие параллели, например, в древностях сарматов и балканских славян. Понятие "древность" приобретает под пером автора самоценность и едва ли не магическую силу, которой исполнены все интерпретации; в нее оказывается обращенной культура поморов, и не случайно текст альбома завершается словом "древности" (Там же: 82, 117).

В альбоме З.П. Соколовой представлены фотографии 13 (с 1956 г.) экспедиций к народам Западной Сибири, прежде всего обским уграм, этнографии которых автор посвятила многие годы своих научных изысканий. Фотоиллюстрации выложены в следующем порядке: экспедиционные будни, информаторы и помощники, представители этнических групп, историко-культурный ландшафт, хозяйство, средства передвижения, поселения, жилище, хозяйственные постройки, хлебные печи, заготовка дров, одежда, обувь, головные уборы, украшения, пища, утварь, семейные обряды, погребальный обряд, поминальные обряды, религиозные представления и культы, медвежий праздник, декоративно-прикладное искусство и музыка.

Этнографическое фото-шоу предваряется не только общими характеристиками народов Западной Сибири (манси, хантов, селькупов, лесных ненцев, коми-зырян, эвенков, русских старожилов) с демографическими справками и картами расселения, но и представлением участников и исследовательских целей экспедиций. Этот прием, согласующийся с сегодняшними антропологическими методологиями, вводит в атмосферу экспедиции, устанавливает прямой диалог между автором и читателем. В обстоятельном описании маршрутов и состава экспедиций, наряду с прочими историографически полезными подробностями, отмечены имена сотрудников автора по полу, в том числе известных исследователей Л.А. Файнберга, В.В. Карлова, Е.А. Пивновой, С.С. Савоскула.

З.П. Соколова удачно следует стилю полевого дневника (нарратива-наблюдения), сочетая емкие тематические очерки (например, о поглощавшем ее исследовательское внимание жилище) с непринужденными путевыми заметками: "В 1956 г. на Оби и Казыме я впервые ела сырую рыбу. Это была только что выловленная стерлядь. Сначала было непривычно, потом – вкусно" (Соколова 2007: 39, 56). Исключение составляет лишь последний раздел о медвежьем празднике, в котором вместо знакомого голоса гида-автора слышится тон теоретика, рассуждающего о тотемизме, промысловом культе и фратриально-племенных проблемах.

Отдельные фотографии впечатляют и врезаются в память: "Семья Н.А. Чуминой" на Вахе, приношения Чохрын-ойке, серии хлебных печей, жилищ и хозяйственных построек, погребальных сооружений. Несколько диссонируют с аурой традиционной культуры постановочные снимки, вроде "Хантыйка в шубе из оленьего меха" и "Хантыйка в беличьей шубе", где персонажи в зимней одежде чувствуют себя неловко на зеленой траве (Там же: 85, 96, 98, 155 и сл., 212 и сл., 219, 272 и сл., 302–304; рис. 52, 53, 54).

Общим недостатком всех альбомов является, на мой взгляд, состояние людей на снимках: все они заняты не своими обычными делами, а позированием перед фотоаппаратом. Служа если не манекенами для традиционной одежды и обуви, то "носителями" ценных для этнографии вещей, люди скрыты за надписями "халат" или "головной убор". В интересах науки на снимке могут оказаться только ноги, обутые в "традиционную обувь". Многие вещи показаны вообще без людей, будто в музейной витрине: из посуды никто не ест, в люльке никто не качается. Если домашний фотоальбом строится на культе семейного единства (Bourdieu 1998: 23–24), то этнографический – в данном случае – культивирует типы и артефакты, оставляя в тени сцены обычной жизни.

Общим достоинством, причем всех альбомов сразу, можно считать (и в этом перспектива проекта) открывающийся горизонт сопоставления различных культур Северной Евразии в ре-

лиях XX в. Панорамный взгляд на три альбома/культуры позволяет различить образы и ценности, смутно проступающие в каждом отдельном случае: "хоромы" поморов, самобытность берестяных изделий обских угров, неповторимость покроя и декора амурских халатов. Единство этнографических методик и приблизительная синхронность фотосъемок создают условия для корректных сравнений и выявления универсалий, в проекции которых единичное однообразие ландшафтов, селений, домов, лиц, костюмов предстает многообразием.

Литература

Bart 1997 – *Bart P.* Camera lucida. Комментарий к фотографии. М.: Ad Marginem, 1997.

Bourdieu 1998 – *Bourdieu P.* Photography: A Middle-brow Art. Oxf.: Polity Press, 1998.

ЭО, 2009 г., № 3

© **В.П. Корзун.** Рец. на: **И.В. Захарова, Н.А. Томилов.** *Этнографические научные центры Западной Сибири середины XIX – начала XXI века. Омский этнографический центр.* Омск: Издательский дом "Наука", 2007. 400 с., ил.

Обращение к истории своей науки является, как правило, показателем степени ее зрелости, ее рефлексивного потенциала. Для членов научного сообщества выстраивание "своей истории" – это еще и способ профессиональной самоидентификации, сплочения на основе общего прошедшего и одновременно легитимное притязание на пространство внимания, без которого немалыми нормальная коммуникация в науке. Именно в таком контексте попытаемся оценить книгу омских авторов, написанную в жанре институциональной и проблемной историографии. Выполненное исследование – результат многолетней работы по изучению отечественного этнографического сибиреведения XVIII – начала XXI в. Отметим, что особое внимание уделяется социальным институтам науки. Авторы поставили перед собой задачи создать периодизацию истории некоторых этнографических центров (новосибирского и омского), выявить проблемы и результаты этнографического изучения народов Сибири в отечественной науке XX – начала XXI в., подробно исследовать историю Омского этнографического центра (с. 5).

Первая часть книги – "Этнографическое сибиреведение в России" – вводит читателя в многослойную проблематику этнографического изучения народов Сибири на современном этапе, которое представлено как логическое продолжение предшествующего развития. Определение "точек роста" и траекторий движения этнографической мысли производится посредством периодизации как истории идей, так и истории институций. Выстроенный таким образом текст напоминает сжатую пружину, которая распрямляется/разворачивается во второй части книги, где речь идет об истории Омского этнографического научного центра. Такой ход авторов позволил им, на мой взгляд, представить социокультурный и эпистемологический контекст становления и оформления особого лица омской этнографии, уловить пульсирование общих идей и методологических поисков и в то же время обозначить специфику изучаемого центра.

Реальными критериями предлагаемой авторами периодизации выступают институционализация науки и формирование сообщества исследователей. При этом совершенно справедливо обращается внимание на роль личности, "активного меньшинства", определяющих плодотворность и интенсивность научной деятельности того или иного периода развития. К несомненным достоинствам авторского подхода к историко-научным процессам следует отнести внимание не только к преемственности, но и прерывности в их развитии, тем самым исследование И.В. Захаровой и Н.А. Томилова актуализирует новый круг проблематики – влияние социальных процес-

---

Валентина Павловна Корзун – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

сов как на инфраструктуру науки, так и на ее концептуальные построения применительно к этнографическому сибиреведению.

Омск – столица Степного края – в силу своего стратегического положения на окраине Российской империи был "обречен" на ранний интерес к этнографии, город был связан с реализацией геополитических установок имперской колониальной политики (разведка и освоение новых территорий, знакомство с образом жизни населяющих их народов) и, соответственно, вектор научных исследований был преимущественно направлен на юг (территории современного Казахстана, степи Средней Азии, Монголии, Китая). На долгие годы основной институцией, в рамках которой осуществлялось такое изучение, становится Западно-Сибирский отдел Императорского русского географического общества (1877–1921). При этом само РГО – это полуофициальная по своей сущности организация, но его можно рассматривать и как часть аппарата империи. Несмотря на то, что история РГО, как и его ЗСО, не раз становилась объектом специального анализа, авторы сумели обозначить свою исследовательскую область, рассматривая в качестве таковой изучение народов Западной Сибири членами ЗСОИРГО. В проблемно-хронологической панораме представлено изучение народов Севера, тюркоязычного и восточнославянского населения. Зафиксировано знаковое изменение в инфраструктуре науки – создание Музея ЗСОИРГО как важной опорной точки нового интеллектуального ландшафта. Подводя итог изучения истории отдельных народов Западной Сибири членами ЗСОИРГО, авторы констатируют практически отсутствие специалистов-этнографов, описательность опубликованных работ, хотя и замечают, что в большинстве своем собранные материалы и коллекции "являются результатом добросовестных наблюдений и представляют надежный источник" (с. 62, 84). Выводы авторов могут быть подтверждены также и анализом историко-научного контекста, в рамках которого проходил процесс создания и становления ЗСОИРГО, хотя акценты несколько сместятся.

Активное познание и освоение окраинных территорий в связи с модернизацией страны, возрастающая роль научного знания в этом процессе наряду с разреженностью интеллектуального пространства в Сибири приводят к тому, что реализацию части научных функций и задач берут на себя общественно-научные организации. Таким образом проявляется одна из тенденций развития науки, связанная с ее самоорганизацией. Процесс появления специализированных научных институтов в России запаздывал по сравнению с Западом. Да и само развитие отечественной этнографии имело свои особенности. Так, Н. Найт выделяет в числе характерных черт этнографии ее научную молодость (по сравнению с географией и статистикой, входившими также в предметную область изучения Географического общества). Отличительной особенностью становления и развития отечественной этнографии Н. Найт называет склонность к описательному повествованию, направленность на решение чисто практических задач и связывает это с социальным заказом власти – "просвещенные бюрократы были заинтересованы в применении научных методов для получения информации, полезной для управления государством... абстрактные теоретические размышления о природе человеческой расы их мало интересовали" (Найт 2005: 156, 186, 187). Различные варианты колониальной экспансии в России и на Западе, природа Российской империи и национального самосознания обусловили, по Найту, различие научных парадигм (Там же: 186, 187). Для русской этнографии периода ее становления было характерно "относительно терпимое отношение к менее развитым народам". Свое понимание науки русские этнографы «выстраивали вокруг понятия "народность" – отличительных черт, свойственных любой нации с ее уникальной и безошибочно узнаваемой спецификой» (Там же: 187, 188).

Во второй главе второй части книги речь идет об этнографических работах омских ученых в 1920-х годах – начале XXI в. В монографии выделяются особенности различных периодов развития омской этнографии. Так, 1920-е годы характеризуются как время "подъема разнообразной этнографической работы, центром которой являлся музей Западно-Сибирского отдела РГО, переименованный в 1921 г. в Государственный Западно-Сибирский краевой музей" (с. 131). В то же время, как отмечают авторы, развитию омской этнографии присуща значительная амплитуда колебаний: в 1930-е годы объем работ по этнографии резко снизился, а в 1940-е и в начале 1960-х годов этнографические исследования омскими учеными и краеведами почти не проводились (с. 132). Исключение, как явствует из текста монографии, составляет за-

рождающаяся в начале 1950-х годов "работа по изучению фольклора населения Омской области в единственном в те годы в Омске гуманитарном вузе – Омском государственном педагогическом институте им. А.М. Горького" (с. 132–134).

Со второй половины 1970-х годов начинается выделяемый авторами новый этап (исходя из содержания работы, я могу определить его как этап зрелости омской этнографии). Характеристике этого этапа авторы уделяют наибольшее внимание, что представляется вполне логичным. В работе подробно и со знанием дела описываются происходящие на этом этапе процессы институционализации и профессионализации этнографических исследований в Омске. Авторы обращают внимание на усложнение инфраструктуры омской этнографии – появление новых научно-организационных центров в связи с открытием в 1974 г. Омского государственного университета, Омского филиала объединенного института истории, филологии и философии (1991), Сибирского филиала Российского института культурологии (1993); зарождение и деятельность нескольких областных общественных организаций – культурных центров по изучению и популяризации народных традиций различных этносов; процесс подготовки кадров профессиональных этнографов; складывание устойчивого научного сообщества этнографов с возрастающей интенсивностью научных коммуникаций; основные научные направления в области этнографического сибиреведения; биобиблиографическое представление итогов научной деятельности.

Авторы, активные участники и свидетели, творцы, а в случае Томилова – координаторы омской этнографии, представили ее историю не только со знанием дела, но и с любовью к ее служителям, к Музе истории. Думается, что эти обстоятельства подвигли авторов к составлению обстоятельной библиографии трудов своих коллег со специальным выделением серийных научных изданий омского научного центра по археологии, этнографии, этноархеологии и культурологии, к составлению хроники научной жизни локального научного сообщества омских этнографов, включающей научные конференции и конгрессы, защиты кандидатских и докторских диссертаций. Упомянутые материалы вместе с юбилейными и памятными статьями, посвященными деятелям этнографической науки, и фотоиллюстрациями помещены в разделе "Приложения" и являются ценными историографическими источниками, позволяющими уловить ритм омской этнографической жизни, ощутить общие токи науки, стремящейся к методологическому синтезу, и еще раз убедиться в значимости личностного фактора в науке. Представляя омскую школу в современной историографии, размышляя о зигзагах этнографической традиции, авторы отдают себе отчет в значимости историко-научных исследований и признают наличие в этой области многих нерешенных проблем, тем самым привлекая читателя-специалиста к новому кругу проблем. Рецензируемая монография – ценный вклад в изучение жизни омского научного сообщества, его научной повседневности.

Литература

Найт 2005 – *Найт Н.* Наука, империя и народность: этнография в Русском географическом обществе, 1845–1855 // *Российская империя в зарубежной историографии.* Работы последних лет. М.: Новое издательство, 2005.

ЭО, 2009 г., № 3

© **Е.А. Смирнова.** Рец. на: *Культурологические исследования в Сибири* / Гл. ред. Н.А. Томилов. Омск, 1999–2007.

Журнал "Культурологические исследования в Сибири" издается в Омске с 1999 г. Омским государственным университетом им. Ф.М. Достоевского, Омским филиалом Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН и Сибирским филиалом Российского института культурологии.

Елена Юрьевна Смирнова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Омского филиала Института археологии и истории Сибирского отделения РАН.

Тематика журнала охватывает следующие направления: общая теория и историография культуры; методология и методы культурологических исследований; история культуры; региональная культурная политика; социокультурное пространство и культурные субъекты в условиях модернизации России; музееведение (музеология); теория и практика музейного дела; охрана и использование памятников истории и культуры; пространство российского города; современная молодежная субкультура; культура досуга; народная культура; межнациональные отношения в сфере культуры; этнокультурология. Особо отметим, что журнал "Культурологические исследования в Сибири" – почти единственное за Уралом научное периодическое издание, освещающее проблемы народной культуры.

Одним из ярких и насыщенных разделов журнала (наряду с такими, как "Методология, теория и историография культурологических и смежных с ними дисциплин", "Историко-культурные исследования", "Культурологические исследования города и городского пространства", "Культурная политика", "Музееведение и музейное дело") стал раздел "Исследования традиционно-бытовой культуры". Его авторы – культурологи, искусствоведы, музееведы, историки, филологи, этнографы из Абакана, Барнаула, Биробиджана, Владивостока, Горно-Алтайска, Кемерово, Кызыла, Нижневартовска, Омска, Павлодара, Томска, Тюмени, а также Монголии и Китая. Их статьи посвящены проблемам традиционной культуры народов Сибири, Дальнего Востока и сопредельных территорий, в том числе Монголии и Китая: русских, украинцев, белорусов, татар, казахов, хантов, манси, тувинцев, монголов, алтайцев, челканцев, народов Нижнего Амура и Сахалина, монголов, хэчженьцзу, немцев, латышей, латгальцев, эстонцев, евреев, цыган.

Тематика статей и круг решаемых в них проблем столь же обширны и разнообразны, как и полиэтническая и мультикультурная палитра Сибири и Дальнего Востока – материальная, духовная и соционормативная культура, этническая история, межнациональные и межкультурные отношения, социальная история, поселения и жилища, обрядовая сфера, фольклор и устное народное творчество, проблемы традиционного воспитания, этнической экологии, народного искусства, традиционного мировоззрения и мифологии. Отметим лишь некоторые наиболее сильные и насыщенные публикации раздела.

Традиционная культура народов Сибири рассматривается, например, в статьях В.М. Кулемзина (Томск) – "Традиционные культуры Сибири: народное сознание и рыночные отношения", А.В. Циркина (Кемерово) – "Влияние русской культуры на быт и традиции коренного населения Южной Сибири в XVIII–XIX вв."; Е.А. Бельгибаева (Барнаул) – "Полозные средства передвижения и их место в охотничьем комплексе челканцев"; М.М. Сундуй (Кызыл) – "Тувинское горловое пение (хоомей). Современное состояние"; А.С. Кузьминой (Нижневартовск) – "Культовое зодчество Кодского княжества Западной Сибири", Д.В. Городенко (Нижневартовск) – "Традиционная система воспитания народов ханты и манси".

Традиционно-бытовая культура славянского населения Сибири и Дальнего Востока представлена в разделе многообразно. Это статьи, посвященные различным аспектам духовной культуры (Е.Ф. Фурсова (Новосибирск) "История жизни духовного наставника поморской старообрядческой общины в Приобье"; Л.Н. Приль (Томск) «Староверы – "чашники": проблема "своих и чужих"»; А.Ю. Майничева (Новосибирск) "Выбор места для поселения и строительства крестьянами Приобья"), календарным и семейным обрядам (Т.Н. Золотова (Омск) "Масленица в Западной Сибири: традиции проведения и семантика обрядового комплекса" и "Календарные праздники сибирских казаков (конец XIX – начало XX в.)"; М.А. Жигунова, Н.С. Грибанова (Барнаул) "Свадебные полотенца русского населения Алтая первой половины XX века: традиция изготовления"), бытовой повседневности (Е.Ф. Фурсова (Новосибирск) "Традиции сибирского чаепития в конце XIX – начале XX века"), народной медицине (И.В. Волохина (Омск) "Диагностика и взгляды на этиологию заболеваний в среде русского населения Омского Прииртышья (конец XIX–XX века)"), народному искусству (Н.А. Томилов (Омск) "Орнамент на предметах домашнего быта у русских Нижнего Притомья"; Н.И. Немкова, Н.А. Томилов "Орнамент русских города Тары").

Народное искусство татар Западной Сибири нашло отражение в серии статей Н.А. Левочкиной (Омск), посвященных этнохореологии сибирских татар, где на основании кинетического

анализа пластическая система традиционных танцев тарских татар характеризуется как само-бытная танцевальная культура. Ф.М. Фаткулина (Буреева) в статье "Орнаментированные изделия тарских татар в коллекциях краеведческих музеев Омской области" выявила аналогии с узорами народов Средней Азии, татар Поволжья, русских, других групп сибирских татар.

Проблемам обрядности, традиционного мировоззрения и мифологии сибирских татар посвящены статьи А.А. Ярзуткиной (Омск) – "Мифологические персонажи, связанные с водой, у сибирских татар", "Мифологические персонажи *Су пицын, су сыер/кара угыз*"; С.В. Березниченко (Владивосток) – "Магия народов Амура в XX веке", "Комплекс верований и ритуалов в этнической культуре коренных народов Нижнего Амура и Сахалина"; Е.Ю. Смирновой (Омск) – "Магия в традиционном мировоззрении: по материалам традиционной одежды сибирских татар", "Сакральные объекты одежды татар Западной Сибири".

Вопросы, связанные с различными аспектами сибирского ислама, поставлены и отчасти решены в статьях А.Г. и И.А. Селезневых (Омск) – "Культурология сибирского ислама: Занге-баба и Хазыр-Илйас в Сибири"; Д.А. Мягкова (Омск) – "Исламское и доисламское в промысловом культе барабинских татар в XIX – начале XX века".

Антропонимия и обряды имянаречения барабинских татар стали темой статей Ф.Х. Гильфановой (Тюмень) – "Антропонимическая система барабинских татар как явление культуры" и "Обряд имянаречения у сибирских татар (по материалам экспедиционных поездок к тоболо-иртышским, тарским и барабинским татарам)". Сюда же тематически примыкает статья А.А. Кильдюшевой (Омск) "Эволюция обряда имянаречения у русских: языческий и христианский (до XVIII века) этапы".

Исследование традиционной культуры передвижения человека за пределами привычных локальных перемещений завершилось публикацией в журнале серии статей омских ученых А.В. Матвеева и Т.В. Михалевой ("Традиционная культура передвижения человека (на примере этнографической группы казахов Омской области). Отправление в дорогу"; «Традиционная культура передвижения человека (на примере этнографической группы казахов Омской области). "Дорога в хаосе", "возвращение"; "Основные элементы традиционной культуры путешествия татар Омского Прииртышья в XIX – первой трети XX века").

Культура народов Китая и Монголии на страницах журнала получила освещение в статьях Ж. Долгосурэн (Монголия) "Устная культура – первичная форма существования кочевой цивилизации", Б. Баяртгор (Монголия) "Символика художественного образа монгольской живописи", Лю Цзиньминь (Китай) "Хэчженьцзу сегодня: тенденции развития мелких национальностей". В частности, Ж. Долгосурэн отмечает, что монгольская живопись сформировалась как особая система художественного изображения и принципиально отличается от изобразительного искусства других народов Востока, выражает мировоззрение, народные обычаи и художественную психологию кочевников Центральной Азии. Статья китайской исследовательницы посвящена проблеме утраты в перспективе особенностей традиционной культуры (кроме национальной психики и понятий) у хэчженьцзу – малочисленного народа, расселенного на побережьях рек Сунгари, Амура и Усури.

Таким образом, тематическое разнообразие статей, наполняющих на протяжении последних девяти лет раздел "Исследования традиционно-бытовой культуры" журнала "Культурологические исследования в Сибири", широкий охват проблем, стоящих перед исследователями народной культуры, высокий научный уровень работ позволяют со всей определенностью говорить о том, что практика эта удачна и успешна. Единственным замечанием станет пожелание соблюдать тематический принцип формирования раздела, а также обращать большее внимание на теоретические вопросы исследования традиционно-бытовой культуры, особенно в ее культурологическом аспекте.

ЭО, 2009 г., № 3

© **И.В. Чининов**. Рец. на: *Vaka Moana: Voyages of the Ancestors: the Discovery and Settlement of the Pacific* / Ed. K.R. Howe. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2007. 360 p.

За последние три десятилетия за рубежом вышли три обзорные монографии, посвященные процессам заселения и освоения островов Океании, этногенезу океанийцев и истории океанийских обществ. Книга известного австралийского археолога Питера Беллвуда "Покорение человеком Тихого океана" вышла в свет в 1978 г. (в переводе на рус. яз. – в 1986 г.) (Bellwood 1978). Опираясь на этнографический, лингвистический, антропологический и, в особенности, на археологический материал, автор дал подробный и обстоятельный анализ доисторического прошлого Юго-Восточной Азии и Океании. Через два десятилетия была опубликована монография "Кембриджская история островитян Тихого океана" (The Cambridge History 1997). Она написана коллективом ученых, работающих в разных научных учреждениях Австралии, Новой Зеландии, Папуа-Новой Гвинеи, США и Великобритании. Книга состоит из двух частей и в ней описывается история островов и архипелагов Океании от начала их заселения до конца XX в.

Рецензируемая книга, в отличие от указанных выше, занимает промежуточное положение между научно-популярным и научным изданием. Она написана превосходным живым языком, богата цветными иллюстрациями, но снабжена также ссылками на источники и обширной библиографией. Подготовленная коллективом авторов, она состоит из 9 глав, посвященных различным аспектам доисторического прошлого Океании.

Автором первой главы (и редактором книги) является профессор истории Университета Массей в Окленде К. Хоу. В этой главе дается небольшая справка по расселению древнего человека по континентам Земли, включая древний материк Сахул, части которого позже образовали Австралию и Новую Гвинею. Большинство датировок дано с учетом последних археологических исследований. Здесь приведена также схема генетических связей между различными современными расовыми группами человечества.

Вторая глава (автор – руководитель школы маорийских и туземных исследований Кентерберийского университета Равири Таонуи) знакомит читателя с древними полинезийскими легендами и историческими преданиями, которые во многом помогают современным исследователям понять причины и мотивы заселения островов Полинезии. Равири Таонуи описал некоторые полинезийские мифы о сотворении мира и происхождении человека, о древних полинезийских богах и культурных героях. Особое внимание автор уделил преданиям, посвященным плаваниям легендарных вождей и мореходов, открытию и освоению новых земель. Таонуи использует предания всех островных групп Полинезии и некоторых полинезийцев-outliers (полинезийцы, проживающие на небольших островах в Меланезии и Микронезии), тогда как авторы двух предыдущих монографий крайне мало обращались к сюжетам повествовательного фольклора полинезийцев и других народов Океании.

Третья глава, посвященная заселению и освоению островов Океании, подготовлена профессором археологии Оклендского университета Джефффри Ирвином. Автор дает описание местных экосистем, анализирует характер океанских течений и ветров над океанской акваторией, рассказывает о поэтапном заселении различных островных групп Океании, привлекает новейшие археологические данные, а также специальные труды о распространении животных и культурных растений в регионе.

Ирвин приводит новые радиоуглеродные датировки по заселению некоторых островов Восточной Полинезии, ссылаясь на работы соответствующих исследователей. Например, Маркизские о-ва, по одним данным, были заселены в 700–900 гг. н. э., по другим – в 900–1200 гг. н. э. (в книге "Кембриджская история островитян Тихого океана" приведена дата 300–600 гг. н. э.), Гавайские – в 300–600 гг. н. э. или, по другим сведениям, в 700–800 гг. н. э. (в книге "Кембриджская

история островитян Тихого океана" – 650 г. н. э.). Таким образом, история заселения островов Восточной Полинезии, согласно современным научным исследованиям, имеет значительно меньшую временную глубину, нежели считалось ранее. Приводятся также интересные сведения о судах и навигационном искусстве народов Океании и представлена схема австронезийской языковой семьи с датами ее разделения.

Данная глава включает еще три небольших раздела. Первый (автор – Хо Чуан Кун) посвящен проблеме происхождения австронезийцев, в нем кратко излагаются основные научные гипотезы и идеи по этому вопросу. По теории археолога П. Беллвуда и лингвиста Р. Бланта, предложенной ими в начале 80-х годов XX в., первые австронезийцы появились в Китае около 6000 лет назад и в дальнейшем мигрировали на Тайвань и Филиппины. Альтернативная теория была предложена археологом В. Солхеймом, согласно которой австронезийские языки и связанные с ними "мореходные" культуры появились в районе Восточной Индонезии и Южных Филиппин около 7000 лет назад. Данная датировка подкреплена временем послеледникового поднятия уровня океана. Современные радиоуглеродные датировки подтверждают миграцию австронезийцев на Тайвань из Китая около 4000 г. до н. э., их проникновение на Северные Филиппины – около 2000 г. до н. э. и дальнейшее заселение Южных Филиппин и Индонезии.

Беллвуд считал, что причиной расселения австронезийцев по региону был рост популяции и вследствие этого нехватка земель. С. Оппенгеймер же полагает, что ранние австронезийцы буквально "плавали в открытом море" из-за поднятия уровня океана, в то время как многие археологи не связывают послеледниковое поднятие уровня воды с расселением людей в эпоху неолита. Тем не менее последнее поднятие воды в океане совпало с возникновением культуры Тапенгкенг на западном побережье Тайваня, что также доказывает появление австронезийцев на острове более 5000 лет назад. Археолог В. Мичам связывает затопление низменностей в Юго-Восточной Азии с временем появления и хронологией прибрежных неолитических культур. По его мнению, необходимо учитывать при изучении доистории региона важность затопления прибрежной полосы, которая иногда простиралась в Южно-Китайское море на 160 км. Мичам считает, что многие археологи имели ложное представление по данной проблеме, поскольку не учитывали факт уничтожения ранних прибрежных культур вследствие поднятия уровня воды. Это произошло после 4000 г. до н. э., и затем производящие керамику и владеющие навыками мореходства поселенцы двинулись на юг от Юго-Восточного Китая и Тайваня. Анализ гончарных изделий и других артефактов, найденных в слое ранней неолитической культуры западного побережья Тайваня, а также в некоторых районах побережья Юго-Восточного Китая, говорит в пользу теории Беллвуда о локализации гипотетической протоавстронезийской культуры в Китае. Это подтверждают и новейшие радиоуглеродные и термолюминесцентные датировки.

В следующем разделе, подготовленном П. Мэттьюсом, говорится о различных культурных растениях, широко распространенных на островах Океании. Каждому виду посвящен отдельный параграф: рассказывается о его происхождении, путях распространения и роли в хозяйственной деятельности островитян. Новейшие исследования подтверждают, что такие растения, как кокосовая пальма, таро и бумажно-шелковичное дерево, проникли в Океанию из Юго-Восточной Азии, батат – из Южной Америки, а перечное растение *Piper methysticum*, из корня которого готовят каву, является океанийским эндемиком.

В третьем разделе (авторы – Д. Пенни и А. Мейер) впервые в обобщающей работе привлекаются данные ДНК для решения проблемы заселения Полинезии. Физические антропологи используют два главных типа ДНК. Первый, известный как митохондриальная ДНК, наследуется по женской линии, второй – Y-хромосома ДНК – по мужской линии. При исследованиях митохондриальная ДНК показала большое сходство между полинезийцами и коренным населением Тайваня, но Y-хромосома ДНК полинезийцев не дала определенного ответа. Причины этого до сих пор неясны, но некоторые антропологи предполагают, что могли быть более поздние волны миграций по пути движения предков полинезийцев, что объясняет различия в ДНК у современных полинезийцев. По другой версии, могли иметь место миграции на Тайвань в то время, когда предки полинезийцев уже покинули остров. Исследования в данном направлении

продолжаются. Анализ ДНК помогает решить также вопрос о времени начала великих странствий протополинезийцев. Здесь данные ДНК совпадают с данными археологии и других научных дисциплин, согласно которым предки полинезийцев покинули Тайвань примерно 5–6 тысяч лет назад и направились в Тихий океан через районы островной Юго-Восточной Азии. Использование данных ДНК подтвердило и гипотезу целенаправленного заселения островов Восточной Полинезии. Например, митохондриальная ДНК была использована при вычислении количества женщин, необходимого для основания местной популяции в Новой Зеландии. Анализы показали, что могло быть примерно 70–190 женщин в первом путешествии к островам, – очевидный признак преднамеренного плавания. При изучении последовательности заселения островов Полинезии данные ДНК также сыграли важную роль, доказав направление миграций с запада на восток. После освоения Центрально-Восточной Полинезии были заселены Гавайские о-ва, затем о-в Пасхи, а позже Новая Зеландия.

При данных исследованиях возникла еще одна проблема. Y-хромосома ДНК показала более комплексную миграционную структуру, нежели митохондриальная ДНК. Одна гипотеза усматривает в этом наличие социальных различий между полами, когда мужчины могли продолжать миграции, а женщины оставались на прежних островах. Согласно другой версии, могли происходить новые миграции после начального этапа заселения. Если это подтвердится, то существует вероятность, что при помощи митохондриальной ДНК смогут обнаружить самую раннюю группу поселенцев, а при помощи Y-хромосомы ДНК – поздних мигрантов. При решении проблемы о смешении предков полинезийцев с австралоидным населением Новой Гвинеи и островной Меланезии по пути движения первых в Полинезию данные ДНК снова дают определенную картину. Этот процесс не был широко распространенным явлением, когда ранние австронезийцы впервые направились в Тихий океан. Брачные связи между ранними поселенцами и более поздними мигрантами возникли, возможно, позже.

Четвертая глава посвящена традиционным плавательным средствам океанийских народов. Ее автор – известный ученый и организатор экспериментальных плаваний, профессор антропологии Университета Гавайев Бен Финни (Финни 1996; Тумаркин 1996) – дает скрупулезное описание различных типов судов народов Океании (например, *паху* о-вов Туамоту, *тонгиаки* о-вов Тонга, *ндруа* о-вов Фиджи, *те пуке* о-вов Санта-Крус), особенности их парусного оснащения, управления, передвижения и маневренности. Даны графические изображения многих типов судов и указаны ареалы их распространения, говорится о каное "Хокулеа", на которых в 1970–1990-е годы совершались экспериментальные плавания по Тихому океану. Рассказывается также о заселении Полинезии, о путешествиях полинезийских мореплавателей к побережью Южной Америки, откуда они привезли батат, о плаваниях австронезийцев по Индийскому океану к берегам Индии, Шри-Ланки, Мадагаскара и Восточной Африки.

Бен Финни – один из авторов и следующей главы, посвященной методам традиционной навигации океанийцев. Не обладая какими-либо техническими средствами и приборами, опираясь только на природные явления и ориентиры (положение небесных светил, характер облачности, структура волн, цвет воды, особенности поведения морских птиц и др.), мореплаватели островов Микронезии и Полинезии могли безошибочно определять курс движения судна среди океанской пустыни и обнаруживать необходимые для них участки суши. В главе дается интересное описание различных традиционных навигационных методов островитян Океании, например, каролинского "звездного компаса", полинезийской "ветряной калебасы" и "морских карт" обитателей Маршалловых о-вов. Отдельный раздел посвящен Мау Пиаилугу, знаменитому навигатору с каролинского о-ва Сатавал, который провел экспериментальное каноэ "Хокулеа" от Гавайских о-вов к о-ву Таити, пользуясь исключительно средствами традиционной навигации. Говорится и о методах обучения навигационному искусству, приводится интересная легенда о происхождении мореходного искусства на Каролинских о-вах. Небольшой раздел посвящен известному путешественнику и исследователю традиционной океанийской навигации Дэвиду Льюису, совершившему множество экспериментальных плаваний по Тихому океану с участием местных навигаторов, которых ему удалось найти на некоторых островах Меланезии и Микронезии (Lewis 1972, 1994).

Главы, в которых говорится о традиционных судах и навигационном искусстве, весьма содержательны и помогают лучше понять, как древним обитателям островов Океании удавалось преодолевать огромные водные пространства и заселять острова, удаленные от материков на многие тысячи километров. Для сравнения укажем, что в книге П. Беллвуда традиционным судам и навигации посвящен сравнительно небольшой раздел, а в "Кембриджской истории островитян Тихого океана" подобная информация полностью отсутствует.

В шестой главе (автор – Роджер Нейч, профессор антропологии Оклендского университета) рассматриваются плавания океанийцев после их расселения по островному миру, а также традиционные системы обмена и суда, на которых они осуществлялись. Описываются торговые экспедиции *хири*, совершавшиеся меланезийцами на больших многокорпусных судах *лакатои* (правильнее *лагатои*); плавания торговцев с о-ва Маилу вдоль юго-восточного побережья Новой Гвинеи. Рассматриваются также своеобразные системы обмена – в проливе Витязя; на о-вах Санта-Крус, где в качестве денежного эквивалента выступали пояса из красных перьев; *кула* на Тробрианских о-вах. Рассказывается о военных каноэ маори, а также о двух крупнейших в Океании системах обменно-данных отношений: "япской империи" и "тонганской империи". В главе даны цветные карты-схемы, отражающие пять систем обмена.

Седьмая глава подготовлена профессором маорийских исследований и социальной антропологии Оклендского университета Энн Селмонд и посвящена начальному периоду контактов между островитянами Океании и европейцами, начиная с плавания Магеллана и заканчивая третьим путешествием Дж. Кука.

В восьмой главе (автор – К. Хоу) сообщается о взглядах европейских исследователей на проблему происхождения коренного населения островов Океании, в особенности полинезийцев, об основных научных и псевдонаучных направлениях в данной области знаний: от "семитских" и "индоевропейских" теорий до комплексных научных представлений середины XX в.

В заключительной главе Бен Финни более подробно рассматривает плавания на экспериментальных каноэ и возрождение традиционных океанийских методов навигации в XX в.

В монографии немало внимания уделено проблемам, связанным с культурой лапита. Рассматриваются возможные типы судов и навигационные методы, при помощи которых носители этой культуры осваивали Тихий океан. Показаны главные направления их миграций и основные места поселений.

Необходимо упомянуть, что в рецензируемой книге не все историко-культурные области Океании освещены в одинаковой степени. Островам Полинезии уделяется значительно больше внимания, нежели Микронезии и Меланезии; практически ничего не говорится о процессе освоения Нагорий Новой Гвинеи.

В заключение можно сказать, что авторы трех упомянутых монографий строго придерживаются исторического подхода при описании различных аспектов прошлого народов Океании. Кроме того, их объединяет широкое привлечение данных самых разных научных дисциплин: этнологии, археологии, физической антропологии, лингвистики, этноботаники и др., что помогает комплексному изучению проблем. В наибольшей степени это касается рецензируемой книги. Следует также отметить, что за последнее время появилась целая плеяда ученых-океанистов из числа коренных народов островов Океании. В "Кембриджской истории островитян Тихого океана" это Пока Лаенуи и Малама Мелеисеа, а в рецензируемой книге – маорийский ученый Равири Таонуи. Из указанных книг видно, что этноокеанистика продолжает поступательное развитие. Одни гипотезы получают дополнительные подтверждения, другие заново пересматриваются и получают иную трактовку. По многим направлениям осуществляются глубокие мультидисциплинарные исследования, а с учетом новых археологических раскопок и стремительного развития исследовательских технологий можно надеяться, что в ближайшем будущем в этноокеанистике произойдет немало новых открытий.

Литература

Финни 1996 – Финни Б. Возрождение полинезийского мореплавания // Этнограф. обозрение (далее – ЭО). 1996. № 3. С. 37–51.

- Тумаркин* 1996 – *Тумаркин Д.Д.* От полинезийского каноэ до космического корабля (о Бене Финни и его исследованиях) // ЭО. 1996. № 3. С. 35–36.
- Bellwood* 1978 – *Bellwood P.* Man's conquest of the Pacific. The Prehistory of South-East Asia and Oceania. Auckland; Sydney; L., 1978.
- Lewis* 1972 – *Lewis D.* We, the Navigators: the Ancient Art of landfinding in the Pacific. Honolulu, 1972.
- Lewis* 1994 – *Lewis D.* We, the Navigators: the Ancient Art of landfinding in the Pacific. 2nd ed. Honolulu, 1994.
- The Cambridge History 1997 – The Cambridge History of the Pacific Islanders / Eds. D. Denoon, S. Firth, J. Linnekin, M. Meleisea, K. Nero. Cambridge University Press, 1997.

ЭО, 2009 г., № 3

© **И.А. Морозов.** Рец. на: **С.Б. Борисов.** *Энциклопедический словарь русского детства:* В двух томах. Шадринск, 2008. Т. 1: А–Н. 520 с. Т. 2: О–Я. 520 с.

Труды по "этнографии детства" и детским субкультурам всегда занимали видное место в отечественной этнографии и фольклористике. Практически во всех серьезных работах XIX в., посвященных народному быту, можно найти разделы о воспитании детей, их взаимоотношении со взрослыми и сверстниками, детских развлечениях и играх, детском фольклоре (см., напр.: Русские крестьяне 2005–2007). Но наибольший всплеск интереса к этой проблематике относится к первым десятилетиям XX в., что связано с задачей "создания человека будущего", который должен был кардинально отличаться от "человека прошлых веков". "Взрачивание новых поколений" было невозможно без изучения познавательных и творческих особенностей ребенка и его психики, способов формирования личности и механизмов ее социализации. Одним из прикладных направлений стало изучение повседневной жизни детей и их творчества. И это во многом определило круг тем и методику фольклорно-этнографических исследований детских субкультур в России и в СССР на протяжении практически всего прошлого века.

Вектор, заданный в 1920–1930-е годы исследователями детского быта и фольклора (*Капица* 1928; *Виноградов* 1999), получил продолжение в серии "Этнография детства" под редакцией И.С. Кона, в работах М.В. Осориной (*Осорина* 1999) и в публикациях современного школьного фольклора, включающих не только фольклор (т. е. вербальные тексты), но описания контекстов и ситуаций его бытования (РДФ 1998). Очень показательным примером в этом смысле является рецензируемое нами издание, которое подытоживает серию работ его автора и составителя, посвященных современным детским и подростковым субкультурам (*Борисов* 2001, 2002 и др.).

Данное издание, претендуя на всеобъемлющий охват "культуры детства", его "энциклопедическое" описание, уникально и не имеет аналогов в отечественной историографии. Нам представляется, что автором найдена достаточно понятная и вполне адекватная форма описания для совершенно разнородных и разноплановых явлений и фактов. И это, несомненно, большой плюс книги.

Уязвимый для критики пункт, с которым автор, видимо, неоднократно сталкивался во время подготовки издания, а потому счел необходимым специально обосновать в "Предисловии", относится ко второй части его названия: "Русское детство". Автор заявляет о своей личной ответственности за включение или не включение тех или иных явлений в состав "культуры русского детства" на основе "теоретически отрешенного" интуитивного решения (Т. 1: 3). То, что этот выбор порой действительно весьма субъективен и неоднозначен, нетрудно убедиться

на примере многочисленных понятий, относящихся к реалиям советской действительности. Можно ли считать специфичными для "культуры русского детства" "Всесоюзную пионерскую организацию" или "Всесоюзную пятидневку октябрят"? Вопрос, конечно, весьма спорный. Как известно, существует точка зрения, одним из выразителей которой был, например, А.И. Солженицын, что русское нельзя отождествлять с советским. В этом смысле "русское детство" в названии скорее вводит нас в заблуждение, поскольку в подавляющем большинстве случаев речь идет именно о "советском детстве", т. е. о культурном пространстве "детства" в советский период.

Советская действительность была отражением интенсивного взаимодействия очень разных культур и народов, причем не только проживавших в СССР, но и "братских народов мира". Субкультурная реальность "советского детства", в свою очередь, была, пожалуй, одним из наиболее ярких проявлений этого культурного процесса, в котором "русский компонент" вовсе не был доминирующим. Поэтому "Вскакивание в понёву" рядом со "Всесоюзным слетом пионеров" выглядит, на наш взгляд, несколько комично. Все же дореволюционная Россия опиралась на существенно иной культурный базис (он достаточно полно описан: Русские дети 2006), который тоже, впрочем, нельзя в целом назвать исключительно "русским". Эта оговорка относится и к крестьянской культуре, которая нередко рассматривается в качестве "эталона этничности". При том что "деревенская" культура, хотя бы вследствие своего "естественного консерватизма", сохраняет гораздо больше культурных особенностей и признаков, которые можно считать этническими маркерами.

Другой вопрос, является ли факт бытования данных игр в детской субкультуре доказательством ее этнической специфики? Тот факт, что советские дети иногда играли в "чижик" или "клёк", еще не служит свидетельством их "русскости". Эти элементы, возможно, были этническими маркерами столетием ранее. В советское же время в центре внимания оказались совсем другие игры, от поисков шпионов до "зарницы". Так же как маркерами постсоветской эпохи в детских субкультурах стали "вкладыши" от жвачки, "валентинки", куклы Барби и новые импровизационные игры типа "в телевизор" или "в Санта-Барбару" (Т. 1: 40, 77, 91. Т. 2: 210, 297).

Из этого можно сделать вывод, что логичнее было бы посвятить отдельный том каждому из трех исторических периодов – "досоветскому", "советскому" и "постсоветскому", – сформировавших особые типы детских субкультур со своими культурными доминантами. Или, исходя из того, что материалы советского периода в Словаре преобладают, назвать книгу более предметно и точно – "Советское детство". В этом случае факты из досоветского и постсоветского периода могли бы рассматриваться как некий фон, культурный бэкграунд, особенно в тех случаях, когда достаточно очевидна их историческая преемственность. А таких примеров в книге можно найти немало. Правда, при этом нельзя забывать, что в советскую эпоху многие явления, известные и в дореволюционной и новейшей истории России, приобрели существенно иной смысл, их содержание и среда бытования изменились в соответствии с веяниями времени.

Необходимо отметить, что с советской действительностью в большей мере соотносимы *городские* формы "старой" российской культуры. И хотя эти культурные явления, в свою очередь, зачастую формировались на основе более старых, преимущественно крестьянских форм, они, как и позднейшие культурные явления по отношению к своим предшественникам, приобретали в новой среде бытования специфические оттенки смысла. Это касается, например, института юных нянь, который в течение XIX–XX вв. получал существенно разное наполнение в различных социальных средах ("В наёмках сидеть" – Т. 1: 75, 518; "Пестунья" – Т. 2: 61). Или практик детского курения (Т. 1: 406), которые были известны и в крестьянской среде (дети часто курили самокрутки из листьев и мха), и, судя по мемуарам и иным источникам, среди представителей других сословий. Хотя социокультурная основа этих практик (половозрастная социализация) сохраняется и в наши дни, существенно изменилась их оценка. Даже если сравнивать с серединой прошлого века, курение детей и подростков в последние десятилетия становится намного более распространенным, почти обыденным явлением и постепенно теряет свое значение в процессе социализации мальчиков. В наше время все чаще можно встретить курящих девочек, а некогда запретная, а потому и особо притягательная для детей и подростков практика

не только имеет широкую рекламу в массмедиа, но и почти официально разрешена во многих учебных учреждениях, что всего полвека назад было возможно разве что только в исправительно-трудовых колониях для малолетних преступников.

Именно возможность демонстрации подобной динамики развития различных явлений, связанных с культурой детства, и является главным достоинством рецензируемого издания, его главным "козырем". Хотя, на наш взгляд, автор не всегда использует это преимущество, зачастую оставляя без каких-либо комментариев даже совершенно очевидные параллели и трансформации культурных смыслов. Возможно, рефлексия обозначившихся закономерностей должна составить предмет отдельного исследования, и это является частью авторского замысла.

Еще один бесспорный плюс данной книги в том, что ее можно отнести к числу исследований, стремящихся к комплексному и целостному описанию культурно-исторического контекста той или иной эпохи, "истории повседневности". На самом деле в отечественной науке пока очень немного работ такого рода. Что касается русской культуры, то близким аналогом данного издания можно считать серию энциклопедических словарей (Русский праздник 2001; Русский народ 2003; Мужики и бабы 2005 и др.), издаваемую Государственным Российским этнографическим музеем под общей редакцией И.И. Шангиной. Их отличительной особенностью является стремление к комплексному анализу культурно-бытового контекста от различного рода занятий и связанных с ними реалий до системы идеологических и мировоззренческих установок, определяющих круг чтения, оформление интерьера, мораль и многое другое.

Специфика "советского детства" определялась официальными идеологемами, в первую очередь представлениями о социализме и коммунизме, "вождях мирового пролетариата" и классовых отношениях. Их воплощение в жизнь были призваны обеспечить различные общественные институты ("Коммуна", "Коммунистическая партия", "Комсомол", "Пионерская организация" и др.). В их числе связанные с общей концепцией "Счастливого детства" детские учреждения и организации – "Пионерские лагеря", "Большой детский хор", "Детский клуб", "Детский театр", "Литкружок", "Станция юных натуралистов" и многое другое, действительно являвшееся социокультурным базисом "советского детства" и, как правило, не имеющее прямых аналогов ни в предшествующем, ни в последующем, "постсоветском" периоде. Отсюда и пристальное внимание автора к таким реалиям советского быта, как "Ленинская комната", "Ленинские уроки", "Политбой", "Политинформация" и т.д., которые позволяют составить представление о способах формирования идеологически насыщенного "пространства личности". Трансляция идеологически окрашенных ценностей осуществлялась и при помощи детской и школьной литературы, начиная со стихотворения С.В. Михалкова "В музее В.И. Ленина" и заканчивая "Незнайкой на Луне". Автор тщательно цитирует свидетельства очевидцев о различных реалиях советского периода, являвшихся неотъемлемой частью официального "счастливого советского детства": "Барабанщик", "Вожакий", "Знамя", "Лагерь", "Сбор металлолома", "Стенгазета", "Субботник", "Юннат" и многое другое.

О том, насколько эффективным было влияние официальной идеологии на детское сознание, свидетельствуют случаи использования идеологически окрашенной символики в названиях детских игр и занятий советского периода. Так, игра "в казаки-разбойники" становится игрой "в красную кавалерию" или "в красных и белых" (Т. 1: 385–386). Активно использовались и базовые советские идеологемы. Так, в середине 1920-х годов в детских учреждениях большое распространение получила игра "в вождей", во время которой дети (преимущественно мальчики) исполняли роли Карла Маркса, Ленина, Троцкого, Рыкова (Т. 1: 99–100).

Не менее важны для воссоздания "культуры советского детства" явления и реалии, представляющие собой "идеологический бэкграунд". Это литературные произведения и специализированные детские издания, которые не пропагандировали напрямую "советские ценности", но вместе с тем играли важную роль в формировании системы мировоззрения и морали советского ребенка. В этом ряду и детские книги типа "Баранкин, будь человеком!", и журналы "Мурзилка" и "Веселые картинки", и киноальманах "Ералаш", и мультсериал "Ну, погоди!", и радио-, а

затем телепередача "В гостях у сказки", и песня "В лесу родилась ёлочка" – настоящие хиты, пережившие советскую эпоху. А также ряд понятий и реалий советского детсадовского, школьного и пионерлагерного быта от "Продленки" и "Промокашки" до "Рыбьего жира" и "Тихого часа". Полноту картины помогают воссоздать факты детской мифологии ("Бука", "Пиковая дама", "Страшилки"). В этом смысле "Энциклопедический словарь русского детства" действительно является гармоничным описанием разных культурных факторов, определявших жизнь и сознание ребенка советского, а отчасти также до- и постсоветского периодов.

Субкультуру детства невозможно представить без самых разнообразных форм игрового поведения, развлечений и игр, поэтому в Словаре приведено множество вариантов различных игр с правилами и ролевых игр, бытовавших в России в течение последних полутора веков. Существенное место занимают различные социокультурные практики и реалии, бывшие в центре внимания предшествующих работ С.Б. Борисова и связанные с половозрастной социализацией детей и подростков. Это розыгрыши, насмешки, шутки, различные формы игрового поведения (напр., задирание юбок и тискание девочек мальчиками, выдача "саечки за испуг" или "День непослушания" в пионерлагере) и иные "неформализованные" развлечения и формы досуга, в том числе языковые игры и словесные подколки, помогающие создать условия для межличностных взаимодействий от дружбы и заигрывания до любви и драки.

При этом наиболее ценными нам представляются личные записи автора или его информантов. Это, как правило, игры, развлечения и языковые клише, относящиеся к периоду 1950–2000-х годов. Большим плюсом можно считать тот факт, что большинство описаний приведено в виде мемуаров носителей традиции, а не только в схематическом пересказе автора.

В целом, данная работа – очень серьезный и важный вклад в "этнографию детства", хороший пример эффективного сочетания современных и традиционных источников и методов исследования. Ее *актуальность и востребованность* подтверждаются все возрастающим в последнее время вниманием научного сообщества к проблематике семьи и детства, поскольку именно в этих социальных институтах наиболее ярко отражаются общие тенденции развития современного постиндустриального общества.

Литература

- Борисов 2001 – Борисов С.Б. Латентные механизмы гендерной социализации детей и подростков. Шадринск, 2001.
- Борисов 2002 – Борисов С.Б. Мир русского девичества: 70–90-е годы XX века. М., 2002.
- Виноградов 1999 – Виноградов Г.С. "Страна детей". Избранные труды по этнографии детства. СПб., 1999.
- Капица 1928 – Капица О.И. Детский фольклор. Л., 1928.
- Мужики и бабы 2005 – Мужики и бабы: Мужское и женское в русской традиционной культуре. Иллюстрированная энциклопедия / Авт. Д.А. Баранов, О.Г. Баранова, Т.А. Зимина и др. СПб., 2005.
- Осорина 1999 – Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве взрослых. СПб., 1999.
- РДФ 1998 – Русский детский фольклор. От "вызываний" Пиковой дамы до семейных рассказов / Сост. А.Ф. Белоусов. М., 1998.
- Русские дети 2006 – Русские дети. Основы народной педагогики: Иллюстрированная энциклопедия / Авт. Д.А. Баранов, О.Г. Баранова, Т.А. Зимина и др. СПб., 2006.
- Русские крестьяне 2005–2007 – Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы "Этнографического бюро" князя В.Н. Тенишева. Т. 1–5. СПб., 2005–2007.
- Русский народ 2003 – Русский народ. Будни и праздники: Энциклопедия / Авт.-сост. И.И. Шангина. СПб., 2003.
- Русский праздник 2001 – Русский праздник: Праздники и обряды народного земледельческого календаря: Иллюстрированная энциклопедия / Авт. О.Г. Баранова, Т.А. Зимина, Е.Л. Мадлевская и др. СПб., 2001.

ЭО, 2009 г., № 3

© **С.В. Соколовский**. Рец. на: *International Obligations and National Debates: Minorities around the Baltic Sea* / Ed. S. Spiliopoulou Åkermark. Mariehamn, Åland, Finland: Åland Islands Peace Institute, 2006. 603 p.

Место издания этой книги – Аландские острова – сыграли особую роль в истории защиты прав меньшинств. Еще на заре создания первой международной системы защиты прав меньшинств в рамках Лиги Наций при вступлении в Лигу Финляндии были специально оговорены права шведского меньшинства этих островов, и по рекомендации Совета Лиги Наций 27 июня 1921 г. Финляндия и Швеция заключили соглашение о гарантировании автономии для Аландских островов. Оно включало обязательства Финляндии сохранять в школах шведский язык как единственный язык преподавания и не вводить преподавание финского в начальных школах без согласия местной общины, ограничить избирательное право граждан-мигрантов из других частей Финляндии в течение 5 лет, назначать губернатора лишь по соглашению с президентом ландстага Аландских островов и признать за Советом Лиги право наблюдения за обеспечением этих гарантий.

Основанный в 1992 г. Аландский институт исследований мира, организационная и финансовая поддержка которого обеспечили издание рецензируемой книги, сделал главным фокусом своих исследований права меньшинств, автономию и безопасность. Книга представляет собой детальный обзор систем охраны прав меньшинств в Балтийском регионе и охватывает 10 прибалтийских государств – Данию, ФРГ, Польшу, Эстонию, Литву, Латвию, Россию, Финляндию, Швецию и Норвегию. Структура книги отражает замысел ее редакторов – "представить происходящее в области защиты прав меньшинств по истечению десятилетия, прошедшего с момента ратификации двух основополагающих конвенций Совета Европы в этой области – Европейской Хартии региональных языков и языков меньшинств (1992 г.) и Рамочной конвенции по защите национальных меньшинств (1995 г.)". Книга состоит из теоретического введения, 10 написанных по относительно единому плану глав с рассмотрением ситуаций в каждой из перечисленных стран и заключения.

По замыслу редактора и ее помощников авторы должны были в своем анализе по возможности охватить следующие вопросы: 1) исторический и политический фон проблемы меньшинств; являлись ли в данной стране вопросы прав меньшинств особой областью политики и права; 2) общенациональные и региональные процессы, связанные с ратификацией конвенций Совета Европы; 3) характеристика позиций и аргументации вовлеченных в обсуждение сторон (центральной и местной властей, политиков, меньшинств, академического сообщества, неправительственных организаций); 4) каким образом определялись группы меньшинств и языки при подписании и ратификации конвенций; 5) чем определялось взаимодействие между самоидентификацией и идентификацией [этих групп и языковых сообществ] обществом и государством; 6) если одна из конвенций не была ратифицирована, то почему; 7) как внедрялись нормы конвенций с точки зрения государства и групп меньшинств; 8) какие правовые и институциональные изменения последовали после ратификации конвенций; 9) как согласуются меры по защите меньшинств с языковой политикой и законодательством; 10) какие изменения произошли в использовании языками в различных группах, возрастных когортах, сферах употребления и др.

Каждая из глав, как правило, включает демографические сведения об этническом составе населения страны с перечнем признаваемых в стране групп меньшинств, историческую справку о становлении системы защиты прав меньшинств и языковых сообществ, характеристику организаций, обеспечивающих защиту прав меньшинств, описание ситуаций с обеспечением прав в сферах образования, языка, религии, социально-экономического развития, а также характеристики положения меньшинств после принятия двух европейских конвенций, повлекших изменения в языковой политике и политике защиты прав меньшинств. Однако организаторы этого

сравнительного исследования не ставили себе задачу предоставить читателям полностью сопоставимые и унифицированные сведения обо всех рассматриваемых государствах: в каждой из глав есть уникальные разделы, отражающие исторические и национальные особенности подходов к защите прав меньшинств, а в некоторых случаях, как, например, в случае рассмотрения российской ситуации, описание существенно отклоняется от приведенного выше плана.

Поскольку Россия входит в заключительную фазу ратификации Европейской Хартии региональных языков и языков меньшинств, вопрос о том, как определялись группы меньшинств и языки при подписании и ратификации конвенций в других странах региона, представляет существенный практический интерес. Уместно напомнить, что в рамках Хартии, подписанной Россией к ратификации в феврале 2001 г., под "региональными языками или языками меньшинств" понимаются языки, которые

1) традиционно используются на данной территории государства гражданами этого государства, представляющими собой группу, численно меньшую, чем остальное население государства; и 2) отличаются от официального языка (языков) этого государства. Они не включают в себя ни диалекты государственного языка (языков) этого государства, ни языки мигрантов (Ст. 1 Хартии). Помимо этого, каждое государство-участник Хартии обязуется применять ее положения "ко всем региональным языкам или языкам меньшинств, на которых говорят на его территории и которые соответствуют определению, содержащемуся в Статье 1".

В соответствии с этими принципами в Дании, например, признается наличие лишь одного национального меньшинства – немцев, компактно проживающих в графстве Сёндерюлланд в Южной Ютландии. Немцы этой провинции – граждане Дании (около 15 тыс. человек в 2005 г.), – стали также объектом защитных норм Хартии. Эскимосский и фарерский языки являются государственными языками соответствующих территорий и на них пока не распространяются нормы Хартии, хотя датское правительство и правительства Гренландии и Фарерских о-вов проводят консультации по этому вопросу. Цыгане (рома) неоднократно обращались к правительству Дании по поводу признания в качестве национального меньшинства, но получили отказ, поскольку они считаются иммигрантским сообществом, возникшим в Дании в 1960-х годах.

Для того сегмента российской правовой системы, который обеспечивает права меньшинств, может оказаться полезным опыт двух соседних стран, контрастных по своему этническому составу и миграционной политике – Финляндии и Швеции. Контраст между этими странами заключается в том, что Финляндия в языковом, этническом и конфессиональном отношении остается на фоне большинства европейских стран исключительно однородной: из пяти миллионов населения более 90% говорят по-фински, более 85% финнов – лютеране, а число иностранцев в стране не превышает 100 тыс. человек. Швеция после Второй мировой войны поддерживала иммиграцию, однако официальная статистика не содержит сведений об этническом или языковом составе населения страны, поскольку ряд последних переписей не включал вопросов о языке или этнической самоидентификации. Статистика, приводимая в отчетах Швеции Европарламенту по Рамочной конвенции по защите прав меньшинств и Европейской Хартии о региональных языках и языках меньшинств, основывается на оценках специалистов.

Несмотря на то, что население Финляндии остается столь однородным в языковом, этническом и конфессиональном отношении, ее правительство проводит последовательную политику по защите и гарантированию прав меньшинств, по меньшей мере, с 1919 г. – года принятия Конституционного акта, в соответствии с которым статус государственных имеют финский и шведский языки (на последнем говорят лишь около 6% населения). Поддержка прав меньшинств и коренных народов остается приоритетной в политике правительства Финляндии на протяжении всех послевоенных лет. Особенностью финляндской правовой системы является прямое действие норм международного права, по которым у страны есть обязательства (включая Рамочную Конвенцию и Хартию), и последовательная инкорпорация этих норм в национальную правовую систему.

При ратификации Хартии (ноябрь 1994 г.) Финляндия обязалась применять 65 статей Части III Хартии в отношении шведского языка (как менее используемого официального языка) и 59 статей в отношении саамского как регионального языка. Принципы Части II Хартии были

приняты к применению в отношении нескольких нетерриториальных языков (русского, идиша и татарского). При ратификации Рамочной Конвенции по защите национальных меньшинств (октябрь 1997 г.) Финляндия не представила перечня национальных меньшинств, в соответствии с принципами Конституции правительство должно избегать принятия ограничивающего определения меньшинства, что обеспечивает возможное формирование новых групп меньшинств (р. 203). На практике защитные нормы Конвенции применяются в отношении саами, цыган, евреев, татар, русских старожилов и *de facto* – шведскоговорящих финнов.

В отличие от Финляндии, в Швеции до середины прошлого века в отношении меньшинств доминировала политика, направленная на их ассимиляцию, например, в школах запрещалось использование финского языка. В феврале 2000 г. Швеция ратифицировала Рамочную Конвенцию и Хартию. В специально созданный правительством в 1995 г. Комитет по языкам меньшинств вошли представители парламентских партий и организаций меньшинств – саами, шведские финны и торнедалцы, которые получили статус членов Комитета; представители от цыганской и еврейской общин получили статус экспертов без права голосования. Интересны критерии, которые Комитет использовал при определении претендентов на статус национального меньшинства: 1) группа должна характеризоваться определенным уровнем солидарности (*cohesion*) и не занимать доминирующего положения по отношению к остальному населению; 2) она должна характеризоваться отличиями в терминах религии, языка, традиций и/или культуры; 3) она должна иметь исторические или достаточно длительные связи со Швецией (на практике это определялось как наличие группы в Швеции по крайней мере с 1900 г.); 4) ее члены и группа в целом выражают желание сохранять свою идентичность (р. 558).

Эти критерии могут стать ориентиром при разработке соответствующих подходов в рамках ратифицируемой Россией Хартии региональных языков и языков меньшинств.

Раздел о России, озаглавленный «Категория "меньшинства" в Российской Федерации: размышления об использовании и злоупотреблениях» и написанный известными специалистами в данной области Владимиром Малаховым и Александром Осиповым, значительно отклоняется от предложенной редакторами книги схемы анализа. Он включает очерки с критикой культурного детерминизма, описание институализации этничности в советском и постсоветском контекстах, символической и инструментальной политики в сфере этнической идентичности, функционирования категории "меньшинство" в официальном и академическом дискурсах, анализ законодательства, относящегося к сфере защиты этнических меньшинств, рассмотрение международных обязательств России в данной сфере и, наконец, краткий очерк положения России в рассматриваемых отношениях среди прочих стран Центральной и Восточной Европы. Раздел содержит ряд серьезных критических замечаний в адрес сложившейся в стране политики в отношении защиты прав меньшинств и мер по защите от дискриминации.

В целом авторам книги и ее редакторам безусловно удалось достичь главной из поставленных целей – представить качественный обзор систем охраны прав меньшинств в Балтийском регионе. Российские исследователи, законодатели и правозащитники найдут для себя на ее страницах немало полезных сведений как теоретического, так и информационного характера.